

Тит Ливий

Карл Шмитт и американская юриспруденция

Оригинал: Titus Livius. Carl Schmitt & American Jurisprudence

Источник: <https://counter-currents.com/2023/07/carl-schmitt-and-american-jurisprudence/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Карл Шмитт может осветить американскую политику и юриспруденцию, предложив взгляд со стороны из континентальной Европы. Во-первых, его идея чрезвычайного положения может помочь описать, как была переписана Конституция Соединенных Штатов в эпоху Гражданских прав. А во-вторых, его описание суверена и политической теологии отчасти объясняет, почему американский консерватизм потерпел крах. Самая знаковая цитата Шмитта – «Суверен тот, кто принимает решение об исключении» из его книги «Политическая теология». Исключением, описанным Шмиттом, является большое конституционное чрезвычайное положение, при котором «государство остается, а закон отступает». В этих исключениях суверен решает, что есть исключение, и что с этим делать. Примерами могут служить восстание спартаковцев 1919 года и бурные события 2020 года, кульминацией которых стали украденные выборы.

Исключения Шмитта интересны, и поэтому их трудно не заметить. Но самое коварное разложение происходит маленькими шагами. Эпоху Гражданских прав следует понимать как ряд «мини-исключений», которые в конечном счете слились в классическое исключение по Шмитту. Но это большое исключение отличалось от других больших исключений тем, что оно было более дискретным. Старый закон земли отступил, в то время как новый закон занял его место, но государство осталось и сумело сохранить видимость того, будто бы первоначальная Конституция 1789 года все еще действует.

В «Политической теологии» Шмитт писал:

Исключение гораздо интереснее правила. Правило ничего не доказывает; исключение доказывает все. В исключении сила реальной жизни прорывает корку оцепеневшего от повторения механизма.

На юридическом факультете правила не преподаются скучным повторением простого закона, написанного черным по белому. Их контуры исследуются путем критического прочтения прецедентного права. Обычно есть основополагающий случай, в котором излагается простое основное правило из статута или из старого английского общего права. Затем следует ряд случаев, которые исследуют исключения из этого правила или иллюстрируют, насколько далеко можно зайти в этом правиле. Эти исключения из прецедентного права ни в каком смысле не являются классическими исключениями Шмитта, но их сходство с приведенной выше цитатой неоспоримо. В них жизнь во всей своей красочной нелепости сталкивается с правилом буквы закона, и именно в этом столкновении обнаруживается истинная природа данного правила.

Но что-то странное произошло со знаковыми делами эпохи Гражданских прав. Эти дела отошли от стандартных исключений из прецедентного права, которые заключались в том, что реальная жизнь противоречила строгим правилам. Анонимный автор «Американского режима» прекрасно объясняет это, и его стоит подробно процитировать:

Законодательная власть, возможно, приняла Закон о гражданских правах, но именно правовая система использовала этот закон в качестве вспомогательной ветви, чтобы с энтузиазмом плести всеобъемлющую паутину прецедентного права, вместо того, чтобы ограничить, если не полностью отменить, этот закон как неконституционный, как должна была бы поступить любая другая здравомыслящая судебная система, как это ясно продемонстрировано в книге Кристофера Колдуэлла «Эпоха права». Это новое прецедентное право подрывает прежние, более первоначальные права, как прямо выраженные, так и подразумеваемые, и в то же время старается не дойти до их открытой и честной отмены, хотя во многих случаях они вполне могли бы это сделать, особенно в случае со свободой объединений. [1]

Следовательно, эпоху Гражданских прав следует понимать как великое исключение Шмитта, поскольку был установлен совершенно новый конституционный порядок. Точно так же, как одна царапина может стать зияющей раной, если наносить ее много раз, один исключительный случай активиста за другим исключительным случаем активиста нанес смертельный удар по Конституции 1789 года. Годы перетекали в десятилетия, и конечный результат не сильно отличался от того, что могло бы произойти, если бы правительство было свергнуто в результате насильственного восстания студентов за демократическое общество. Что еще хуже, разрушив прежний конституционный порядок шаг за шагом, крайне левые потребовали, чтобы их новый конституционный порядок получил уважение, которого заслуживала первоначальная Конституция 1789 года как продолжение американского народа. Это так же зловеще, как и отвратительно. По крайней мере, коммунисты-спартаковцы были честны в том, что они делали.

Тот, кто решает, существует ли чрезвычайное положение и что с этим делать, является сувереном. Если мы применим шмиттовское мышление к американской политике, то судебная власть в целом и председатель Верховного суда Эрл Уоррен в частности действовали как суверен. И это несмотря на то, что судебная власть была задумана Отцами-основателями как наименее сильная ветвь власти. Тот факт, что именно судебная власть действовала как суверен, еще раз доказывает, насколько новый конституционный порядок отошел от порядка Отцов-основателей.

Фоном эпохи Гражданских прав были социальные беспорядки, которые были столь же искусственно спровоцированы, как и движение *Black Lives Matter* в 2020 году, вкупе с расовыми беспорядками, работающими в тандеме с неискренними СМИ. И все же, несмотря на широкую и резкую оппозицию движению за гражданские права, никто не был достаточно силен, чтобы успешно остановить эту революцию. Лишь немногие, кроме Кристофера Колдуэлла, даже серьезно задумывались об этом.

Есть много возможных причин того, почему Америка так быстро капитулировала. Буржуазные ценности, послевоенное процветание, религиозный пыл и сионизм, действующие как суррогат подлинного национализма, и внушающий идеологию эффект телевидения – это лишь некоторые из них. Деспотическая федеральная тирания – еще одна такая причина. Как указал Колдуэлл, решение суда о десегрегации государственных школ Бостона в 1974 году было насильственно осуществлено с помощью федеральной оккупации при участии 100 федеральных маршалов, 50 агентов ФБР и 600 солдат Национальной гвардии, а также введения комендантского часа и запрета на публичные собрания. Показательно, что для подавления расовых беспорядков 1960-х или 2020-х годов не использовалась даже малая доля таких ресурсов. Очевидно, что в анархо-тирании нет ничего нового.

Но работы Шмитта дают еще одну возможность объяснить, почему не было эффективного сопротивления. В «Политической теологии» он пишет:

Сущность либерализма – переговоры, осторожные полумеры, в надежде на то, что окончательный спор, решающая кровавая битва может быть превращена в парламентские дебаты и позволит навсегда отложить решение в вечной дискуссии.

Шмитт описывает не только присущую либеральной демократии склонность к бесконечным дебатам, но и то, как она усугубляется тенденцией к нейтралитету в Европе, возникшей в результате психологического шока Религиозных войн. Чтобы представить опустошение этих войн в перспективе, достаточно сказать, что Германия в ходе Тридцатилетней войны потеряла около 20% своего населения. Конечным результатом стал компромисс, при котором князья выбрали религию своего княжества, поскольку ни у одной из сторон не осталось сил, чтобы поднять меч для дальнейшей бойни.

Реакция на абсурдную бесчеловечность Религиозных войн была естественной и необходимой, но она зашла слишком далеко. Презрение Запада к решительности началось задолго до негативной реакции на тоталитарные режимы двадцатого века. Ужасная ирония заключается в том, что предпочтение западных либеральных демократий – не то чтобы они были особенно западными, либеральными или демократическими в наши дни – обсуждать принятие решений, делает их уязвимыми для недобросовестных игроков, которые не разделяют их опасений по поводу принятия решений, начиная с люмпен-элиты Всемирного экономического форума и заканчивая алжирскими мигрантами, которые открыто заявляют о своем намерении колонизировать Францию «до скончания века». Природа не терпит вакуума, особенно вакуума власти.

Это отчасти объясняет, почему консерваторы ничего не консервируют. Консерваторы – это просто классические либералы под другим названием, и поэтому они все еще по существу либеральны и придерживаются взглядов, которые частично уходят корнями в негативную реакцию на Религиозные войны, даже если они ничего не знают об этих событиях из-за близорукости концентрации на истории одних лишь Соединенных Штатов. Это незнание еще больше усложняет решение проблемы. Это все равно, что пытаться помочь человеку с посттравматическим стрессовым расстройством, который даже не может вспомнить травмировавший его случай.

Кроме того, в «Политической теологии» Шмитт пишет, что «исключение в юриспруденции аналогично чуду в теологии». По словам Шмитта, негативная реакция на Религиозные войны также привела к тому, что современная теория государства стала нагружена секуляризованными религиозными концепциями. Например, всемогущий Бог стал всемогущим законодателем. Тогда было вполне естественно, что консерваторы, будучи либералами, стали относиться

к судебным разбирательствам и законодательству эпохи Гражданских прав как к событию *deus ex machina*.

Исключение и последующее решение психологически действуют как библейское чудо. Никто на самом деле не понимает, как они возникли или действуют, но они по-прежнему почитаются как несомненная данность. Указать современному либералу любой из партий на то, что конституционный закон, по сути, вытащен из шляпы, особенно с 1960-х годов, равносильно тому, чтобы объяснить христианину-фундаменталисту, что Библия была составлена руками смертных людей на Никейском соборе.

В своей теории Собора Кёртис Ярвин отмечает, что журналисты и ученые подобны священникам. Если эти люди – священники, то судьи и истцы эпохи Гражданских прав – святые, которым священники воздают должное, чтобы оправдать свою власть и привилегии.

К чему это приводит, так это к религиозному фанатизму среди либералов, в то время как консерваторы естественно слабы, потому что они попали в ловушку парадигмы эпохи Гражданских прав. Пока консерваторы не смогут отвергнуть эпоху Гражданских прав как несостоятельную, а не как вереницу святых чудес, они заслуживают того, чтобы левые относились к ним как к ретроградной деревенщине и еретикам.

Консерваторы хотят отдать дань уважения своим любимым святым, но не следовать богословию этих святых, которое было передано и ныне излагается священниками Собора. Они хотят и впредь соблюдать Конституцию 1789 года, что, как они не понимают, равносильно политическому язычеству. Они подобны средневековым крестьянам, которые молятся Деве Марии, одновременно придерживаясь всевозможных языческих народных обычаев.

Консерваторы не могут преклонить колени перед Святым Мартином Лютером Кингом, а затем эффективно противостоять государству всеобщего благосостояния Линдона Джонсона, которое поддерживает чернокожих и которое Колдуэлл метко описывает как цену сохранения мира со времен Гражданских прав. Они также не могут выступать против разоружения белых владельцев оружия в результате насилия с применением огнестрельного оружия черных, потому что принятие расового равенства как символа веры, естественно, требует справедливого результата, независимо от цены. Политическая теология – это такой же пакет услуг, как и религиозная теология. Как я объяснил в своем анализе недавнего судебного дела о позитивных действиях, консерватизм полон противоречий. То, что консерваторы слишком глупы, чтобы видеть свои противоречия, не означает, что этих противоречий не существует или что их враги не будут злонамеренно эксплуатировать их.

Если проверка заслуг мыслителя заключается в том, что он выдерживает испытание временем, то Карл Шмитт проходит такое испытание с честью. Его идеи, наряду с идеями других консервативных революционеров, таких как Эрнст Юнгер, продолжают оставаться актуальными по обе стороны Атлантического океана, а также в морях времени. То, что революционный консерватизм межвоенной эпохи имеет большее значение, чем равнодушный современный консерватизм, является свидетельством полного провала господствующего американского консерватизма как в идеологии, так и в действиях. К счастью, мы заменяем его комбинацией новых и старых идей, столь же острых, сколь и захватывающих.

Примечание

[1] *The American Regime* (Quakertown, Pa.: Antelope Hill Publishing, 2023), p. 179.

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.